

© 1994 г. Е.И. ШУТОВА

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОВА В КИТАЕВЕДЕНИИ

Становление китайского языкознания как научной дисциплины было, как известно, связано с приложением к китайскому языку (КЯ) системы лингвистических понятий европейского языкознания. Одной из важнейших проблем на этом пути явилась задача выделения слова как центральной в системе координат традиционного европейского языкознания единицы языкового механизма.

Пик интереса к этой проблеме, не затихающего и поныне, приходится на пятидесятые годы (первое десятилетие после становления Китайской народной республики), что было продиктовано не только теоретическими, но и актуальными для того времени практическими задачами создания в Китае фонетического письма.

Научный поиск этих лет примечателен тем, что в этот период в китаеведении была предпринята попытка выявить и определить те объективные языковые основания, на базе которых зиждется существование и выделимость слова в КЯ, в отличие от прошлых лет, когда понятие "слово" в приложении к КЯ принималось как нечто данное, само существование чего не требует доказательств (см. в этой связи [1]). Тем самым изучение КЯ с этого времени было поднято на новый, более высокий уровень.

В пятидесятые годы были созданы основы научного знания, касающиеся проблемы выделимости слова в КЯ, послужившие импульсом для дальнейшего изучения проблемы в последующие десятилетия. Теоретически это знание прежде всего базируется на идеях основателя дескриптивной лингвистики Л.Блумфилда о свободных и связанных формах, а также на учении о слове А.И. Смирницкого. В общетеоретическом плане несомненно также влияние идей А. Мейе, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова.

С точки зрения задач поступательного развития науки, обоснования путей дальнейших разысканий важно дать критический анализ предложенных процедур выделения слова и тех видимых и невидимых "риффов", создаваемых объективными фактами КЯ на пути последовательного и непротиворечивого применения этих процедур. Настоящая статья предлагает вниманию читателя такого рода анализ.

Итак, обратимся к китаистике пятидесятых годов. За основу рассмотрения здесь принимаются две большие работы этих лет, специально посвященные проблеме выделения слова в КЯ. Приоритет в разработке проблемы принадлежит группе сотрудников Института языкознания Академии наук КНР во главе с проф. Лу Чживэем, выпустивших в 1957 г. книгу под названием "Nanyu goucifa" (Словообразование китайского языка). В работе была поставлена задача: разграничить понятия слова и неслова (ci he feici) и на этой базе подойти к выявлению внутренних закономерностей его организации [2, с. 4].

В основу понимания слова как языковой единицы в указанной работе (далее авторский коллектив представляет Лу Чживэй) положена блумфилдианская идея "минимальной свободной формы", способной к самостоятельному или свободному употреблению (du yong, dan yong, ziyou yunyong).

Понятие "слово" (ci) в системе Лу Чживэя с одной стороны противостоит понятию "морфема" (cisu), с другой – понятию "словосочетание" или "группа слов" (cizu). Под морфемой имеется в виду значимый однослог, не способный к самостоятельному употреблению и являющийся частью слова (cisu букв. "элемент слова").

В своем подходе к решению поставленной в работе задачи разграничения понятий "слово-неслово" Лу Чживэй опирается на разработку базового в определении слова понятия "самостоятельное-несамостоятельное употребление".

По существу речь в работе идет о способности-неспособности к самостоятельному употреблению однослога как минимальной значимой единицы КЯ. Способность-неспособность значимого однослога к самостоятельному употреблению рассматривается с двух точек зрения: 1) с точки зрения его общезыковой способности к изолированному или отдельному употреблению (*danyong*), 2) с точки зрения способности к отдельному функционированию в структуре некоторой целостной полисиллабической единицы (комплекса).

Интерпретируя понятие "способность-неспособность к самостоятельному употреблению" с первой из указанных точек зрения, Лу Чживэй подчеркивает, что самостоятельность-несамостоятельность той или иной единицы не может быть определена исходя из значения. Утверждается, что это величина структурная, причем присущая той или иной единице не как постоянная характеристика, а как данная ей в том или ином употреблении. "Один и тот же языковой отрезок в одних случаях может быть самостоятельным (т.е. словом), в других – несамостоятельным" [2, с. 1].

Нельзя, однако, не отметить, что сами условия, при которых единица может выступать как самостоятельная или несамостоятельная, не определяются и не вскрываются. Единственная реальность, которую можно вынести из текста работы это понятие *danshuo* "(быть понятым на слух) в отдельном, изолированном произнесении". Но и здесь все же полной ясности нет.

Показательны в этом отношении рассуждения, приводимые в работе в связи с характером употребления элементов *bai* "белый" и *jin* "золото". Отмечается, что «элемент *bai* "белый" из *bai hu* "белая материя"» (*bai bu-de bai*), произнесенный изолированно (*dan shuo*) может быть понят, в то время как элемент *jin* из *jinzi* "золото" не понятен в изолированном произнесении. "Имеет *jin* значение или нет? Конечно имеет. Но это есть значение морфемы (*cisu*), значение, которое не может быть понято на слух в отдельном, изолированном употреблении" – утверждает в работе [2, с. 2].

Из приведенного рассуждения явственно следует ограниченность возможностей однослога к изолированному употреблению. В самом деле, элемент *bai*, о котором говорится, что он может быть в отличие от элемента *jin* употреблен самостоятельно, может быть понят в смысле "белый" лишь на фоне определенного контекста – в данном случае *bai hu* "белая материя", что же касается элемента *jin*, то он лишен и этой возможности. Трактую самостоятельность-несамостоятельность употребления однослога как структурное (функциональное), а не субстанциональное явление, Лу Чживэй закономерно приходит к выводу об отсутствии прямого влияния этого факта на отнесенность к слову или неслову полисиллабического комплекса, в который этот моносиллаб входит. В связи с этим читаем следующее: "... априори определять принадлежность единицы к слову, морфеме или словосочетанию на основании самостоятельности-несамостоятельности употребления компонентов – это решительно противоречит основному принципу работы, используемому в ней методу языкового анализа" [2, с. 26].

Однако Лу Чживэю не удастся провести этот принцип последовательно. Реально самостоятельность-несамостоятельность употребления трактуется в работе как бы данная однослогу постоянно (субстанционально) до вхождения в состав полисиллаба. Более того, считается, что если один или оба компонента двусложной единицы не употребляются самостоятельно, то эта единица является словом.

Другой из двух указанных выше аспектов поиска критериев самостоятельности-несамостоятельности употребления языковой единицы приводит Лу Чживэй к понятию "kuozhanfa" (распространение, расширение), "charufa" (вставление) [2, с. 6]. Постулируется, что методика "kuozhanfa" может быть осуществлена путем

вставления любых элементов, однако с тем условием, что грамматические отношения в исходной и производной конструкциях должны быть в основном одинаковы. Так, *yangrou* "баранина" и *yang-de rou* "мясо барана" – по Лу Чживэю – образования аналогичной синтаксической структуры (атрибутивные), чего нельзя, например, сказать о паре единиц *yangrou* "баранина" и *yangshen-shang you rou* "На теле барана имеется мясо"; *xizao* "мыться, принимать ванну" и *xi yige zao* "помыться" – сопоставимы; *xizao* "мыться" и *zao ye meiyou xiguo* "ванну и ту не принял" – не сопоставимы.

В принципе невозможность вставки тех или иных элементов считается признаком словесного характера соответствующей единицы, и – несловесного, если эта возможность имеется.

Однако в реальном применении этой методики Лу Чживэй отходит от принципиальной однозначности. Безусловно принимается лишь одна сторона формулы, указывающая на невозможность расширения, распространения: языковые отрезки, исключаяющие возможность разъединения компонентов, трактуются как слово. Другая же сторона формулы – наличие потенциальной возможности разъединения компонентов – не получила однозначной интерпретации в смысле безусловного отнесения соответствующей единицы к неслову. Здесь устанавливаются два основных случая: 1) наличие потенциальной возможности расширения, распространения рассматривается как свидетельство отнесения соответствующей единицы к неслову; 2) несмотря на наличие потенциальной возможности расширения, распространения, единица, тем не менее, рассматривается как слово.

В разграничении этих случаев для Лу Чживэя существенны такие факторы, как 1) степень свободы употребления в речи результирующей (образованной от исходной посредством тех или иных приемов ее расчленения) конструкции; 2) степень свободы расчленения исходной конструкции.

Так, например, образование *hong huar* "красный цветок" рассматривается как словосочетание, а образование *yangrou* "мясо барана, баранина" – как слово, несмотря на то, что потенциально в обоих случаях возможна вставка *de* (*hong-de huar*, *yang-de rou*). Аргументом в пользу принятого решения является для Лу Чживэя то, что *hong-de huar* "красный цветок" употребляется в речи достаточно свободно, а *yang-de rou* "мясо барана" – ограничено. Например, для выражения мысли о покупке бараньего мяса употребление формы *yang-de rou* было бы неуместным, естественным здесь является употребление выражения *yangrou: mai yi jin yangrou* "купил один цзинь баранины". Однако в предложении *zhe shi yang-de rou, zhe shi yang-de pi* "Это мясо барана, а это кожа барана" форма *yang-de rou* вполне на месте.

Другой пример (с результативным характером связи между компонентами). При наличии потенциальной возможности расширения, распространения *chibao* "наесться досыта" трактуется как словосочетание, а *dadao* 'разбить, опрокинуть' – как слово, аргументом чему является то, что в первом случае круг потенциально возможных распространений шире, чем во втором. Так, возможно: *chide hen bao* "очень наесться", *chide bu shifen bao* "поесть не очень сытно", *chide bi shui dou bao* "поесть сытнее всех", но только: *da de dao*, *da bu dao* "смочь разбить, опрокинуть", "не смочь разбить, опрокинуть".

Таким образом, по Лу Чживэю наличие потенциальной возможности расчленения полисиллабического комплекса не исключает словесного характера этого комплекса. Применительно к этому случаю в работе используется термин *lihesi* [2, с. 22, 78, 79, 81]. Буквальный перевод этого термина "раздельно-слитное слово". Однако следует подчеркнуть, что этот термин не вполне адекватен тому содержанию, которое за ним стоит в системе Лу Чживэя. Реально речь идет о трактовке соотношения между слитной (исходной) и соответствующей раздельной (результирующей) конструкциями, согласно которой при наличии потенциальной возможности расчленения, слитная (исходная) конструкция тем не менее рассматривается как слово (*yangrou* "мясо

барана, баранина", *dadao* "разгромить"), соответствующая же отдельная конструкция трактуется как словосочетание: (*yand-de rou* "мясо барана", *da de dao*, *da bu dao* "смочь разгромить, не смочь разгромить").

Важно отметить еще один момент, касающийся характера соотношения слитной (исходной) и соответствующей результирующей (расчлененной) конструкций.

Речь идет о принципиальной тождественности грамматических значений слитной и соответствующей расчлененной конструкций как условия применения методики "kuozhanfa" (разъединения компонентов), на котором (условии) настаивал Лу Чживэй. Обращает на себя внимание в связи с этим приводимый в работе большой материал, свидетельствующий о возможном различии значений исходной и результирующей конструкций. Отмечается, например, что *tielu* "железная дорога" это не то же самое, что *tie-de lu* "дорога из железа", *yeji* "фазан" не равно *ye-de ji* "дикая курица", *guilian* "маска, гримаса" не равно *gui-de lian* "лицо черта". Или: не все реалии, называемые посредством выражения *bai-de cai* "белая овощ", могут быть названы посредством выражения *baicai* "капуста"; реалии, называемые посредством выражения *xian-de cai* "соленые овощи" не всегда могут быть названы посредством *xiancai* "соленья". Таким образом, последовательное и однозначное применение методики разъединения компонентов полисиллабического целого как критерия разграничения слова и неслова наталкивается на сопротивление языкового материала, свидетельствующего о различии значений исходной и результирующей конструкций.

Проблема разграничения слова и неслова, поставленная и в деталях рассмотренная в работе, руководимой Лу Чживэем, в пятидесятых годах получает свое рассмотрение и в работах китаеведов Советского Союза. Специально этой проблеме посвящен словарь Б.С. Исаенко "Опыт китайско-русского фонетического словаря" и прилагаемая к нему большая аналитическая статья "К проблеме границ китайского слова" [3].

Как мы видели выше, в понимании слова Лу Чживэй исходит из блумфилдского определения этой единицы как минимальной свободной формы. Направляя свои усилия к уточнению содержания понятия "свободная форма", он идет двухвекторным путем, склоняясь к пониманию свободной или самостоятельной формы, с одной стороны – как способности единицы быть понятой на слух в отдельном, изолированном употреблении, с другой – как способности к тому или иному расширению, распространению в составе слитного полисиллабического комплекса.

Б.С. Исаенко в качестве исходной рабочей формулы принимает определение слова, данное А. Мейе: "Слово есть результат связи определенного значения с определенным комплексом звуков, способных к определенному грамматическому употреблению" [3, с. 241].

Отталкиваясь от этого понимания, Б.С. Исаенко формулирует семантические, фонетические и грамматические критерии, которым должно отвечать отдельное слово китайского языка. За основу выделения слова как отдельной лексической единицы принимается наличие у соответствующей единицы *п о т е н ц и а л ь н о й* *с п о с о б н о с т и* грамматически функционировать по типу той или иной лексико-грамматической категории. Установление этой способности достигается путем анализа различных контекстов употребления данной единицы. Так, идя этим путем, Б.С. Исаенко устанавливает, например, что первые элементы образований *hao ren* "хороший человек" и *yao ren* "важный человек" обладают различными способностями грамматического употребления. Так, *hao* "хороший" обладает всеми грамматическими свойствами прилагательного (*haode* "хороший", *hen hao-de* "очень хороший", *haohao-de* "прехороший", *bu hao* "нехороший" и др.), что же касается *yao* "важный", то он этими свойствами не обладает. Отсюда делается вывод, что элемент *hao* "хороший" является отдельным, самостоятельным словом китайского языка, а элемент *yao* "важный" таковым не является.

Далее следует основанный на данных рассуждениях один из основных выводов

автора: "...всякое лексическое образование, в составе которого имеется хотя бы один элемент, не являющийся отдельным словом, в целом представляет собой не словосочетание, а единое слово" [3, с. 252].

Итак, до сих пор, рассматривая подход Б.С. Исаенко к проблеме выделения слова, мы имеем логически последовательный ряд, представленный триадой: 1) понимание слова как некоторой лексико-грамматической величины, 2) ориентация на потенциальную способность функционирования в определенных грамматических контекстах как основополагающий принцип установления словесного характера единицы, 3) определение слитной полисиллабической единицы как единого слова, если оба или один из ее составляющих не имеет словесного характера.

Однако внутренняя логика этого ряда нарушается, когда речь заходит об языковых образованиях, оба компонента которых с позиций выдвинутой шкалы координат имеют словесный характер. По логике вещей эти образования должны быть признаны словосочетаниями. Однако Б.С. Исаенко не говорит здесь безусловно о словосочетаниях. В число этих образований им включаются составные или сложные слова (*composita*) на основании идей Щербы о словосложении как одном из способов словообразования.

При анализе языковых образований, составляющие которых потенциально способны быть самостоятельными словами (и которые по логике вещей должны быть признаны словосочетаниями), Б.С. Исаенко отступает от сформулированного им кредо словесности-несловесности. Критерием выступает уже не потенциальная способность единицы к определенному грамматическому употреблению, исчисляемому на основе потенциально возможных контекстов употребления, а на основании особенностей грамматического употребления в составе данной единицы – возможности-невозможности оформления определяющего компонента посредством *de*, возможности-невозможности разъединения компонентов посредством союза и др.

При этом Б.С. Исаенко допускает различие грамматических значений, сопутствующих слитному и раздельному построению соответствующих единиц (ср. с подходом Лу Чживэя, который в качестве условия применения методики расширения, распространения (*kuozhanfa*) принимает тождественность грамматических отношений в исходной и результирующих конструкциях).

Отметим, что возможность-невозможность вставки тех или иных элементов как критерий отнесения единицы к слову или словосочетанию Б.С. Исаенко использует однозначно, даже если соответствующие выводы интуитивно принять трудно. Так, например, он признает, что "на первый взгляд может быть парадоксальным" [3, с. 275] согласующийся с требованием возможности-невозможности постановки *de* вывод о том, что образование *niu tou* "голова коровы" (постановка *de* возможна) является словосочетанием, а образование *yishang jiazi* "подпорка для одежды, вешалка" (постановка *de* невозможна) является словом.

Как мы видели выше, Лу Чживэй в этом вопросе не был столь однозначен. Допускались случаи, когда несмотря на возможность расчленения, исходная конструкция трактовалась как слово (*lihesi* "раздельно-слитное слово").

Таким образом, намеченная в 50-ые годы в работах выше названных ученых линия исследования, направленная на выделение слова, нахождения критериев отграничения этой единицы от других языковых единиц, обнаруживает известную общность ключевых исходных постулатов. К их числу относятся: 1) категория самостоятельности-несамостоятельности употребления моносиллаба, 2) возможность-невозможность расчленения слитного полисиллабического или сложного комплекса.

Вместе с тем обозначали свое существование ряд проблем и проблемных коллизий, не нашедших однозначного истолкования и разрешения. Ниже указываются две основные группы таких проблем.

Первая группа проблем касается существа содержания понятия самостоятельность-несамостоятельность употребления. Ее составляю следующие два вопроса:

1) Что такое самостоятельность-несамостоятельность употребления моносиллаба? Это потенциальная способность к определенному рода функционированию или свойство, обретаемое в данном употреблении. Иными словами: самостоятельность-несамостоятельность употребления это субстанциональная или функциональная характеристика элемента? Контраверза "самостоятельность-несамостоятельность употребления как субстанциональная или функциональная величина" обозначила себя, как отмечалось выше, в концепции Лу Чживэй, но не нашла в ней последовательного и непротиворечивого истолкования.

Б.С. Исаенко однозначно придерживался понимания самостоятельности-несамостоятельности употребления как потенциальной способности элемента к того или иного рода употреблению, т.е. как некоторой субстанциональной величины.

2) Как влияет способность-неспособность компонентов к самостоятельному употреблению на принадлежность соответствующего сложного комплекса к слову или словосочетанию. Имеется ли между этими факторами прямая связь? Как мы видели выше, Лу Чживэй не видел между ними прямой связи, исходя из того, что в КЯ один и тот же знаменательный элемент может употребляться двояким образом: и самостоятельно и несамостоятельно. Тем не менее им был принят тезис о словесном характере языковой единицы, если один или оба ее компонента не обладают способностью самостоятельного употребления, что не согласуется с представлением об отсутствии прямой связи между словесностью-несловесностью целого и потенциальной словесностью-несловесностью компонентов. Б.С. Исаенко считал влияние этого фактора определяющим, в связи с чем особое значение придавалось объяснению случаев, в которых оба компонента сложной единицы потенциально способны к самостоятельному употреблению.

Вторая группа проблем касается формальных признаков проявления самостоятельности-несамостоятельности употребления моносиллаба.

Оба исследователя подходят к проблеме формальных признаков самостоятельного-несамостоятельного употребления с двух точек зрения: 1) с точки зрения общезыковых особенностей употребления элемента, 2) с точки зрения особенностей употребления в составе данной структуры (возможность-невозможность разъединения компонентов некоторого полисиллабического целого).

Соответственно, вторая группа проблем включает в себя следующие вопросы.

1) В чем состоят общезыковые критерии или формальные признаки синтаксической самостоятельности-несамостоятельности элемента?

Исходя из блумфилдианского понимания слова как минимальной свободной формы Лу Чживэй склонен был трактовать самостоятельность употребления моносиллаба как способность быть понятым на слух в самостоятельном употреблении (*danshuo*). Б.С. Исаенко, придерживаясь понимания слова как определенной лексико-грамматической величины, под самостоятельностью языкового элемента понимал наличие у него потенциальной способности функционировать по типу той или иной лексико-грамматической категории, не принимая требования быть понятым на слух в изолированном употреблении¹.

2) Может ли наличие-отсутствие потенциальной возможности разъединения компонентов сложного комплекса явиться критерием его словесного или несловесного характера? Каково соотношение между слитной (исходной) и расчлененной (результатирующей) конструкциями?

Как мы видели выше, Лу Чживэй исходил из тождественности их значений как необходимого условия применения методики "*kuozhanfa*" (разъединения компонентов), что в принципе верно (не может не быть). Однако реальное воплощение этого принципа оказалось невозможным. Весь приводимый в работе материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что слитная и соответствующая расчлененная

¹ См. в этой связи полемику Б.С. Исаенко с Я. Хмелевским, который считал, что единица может быть признана словом, если будучи изъята из контекста, она будет понятна на слух [3, с. 242-243]

конструкции различны по своему значению, во всяком случае, далеко не всегда совпадают в своих значениях.

Б.С. Исаенко не обуславливал возможность применения методики разъединения компонентов сложного целого требованием тождественности их грамматических значений. Более того, он считал их различными в ряде случаев (например, в построениях без *de* и с *de*). Возникает вопрос: если исходная и результирующая конструкции различны по характеру грамматических отношений между их составляющими, то может ли сама возможность-невозможность преобразования исходной конструкции явиться критерием ее словесного или несловесного характера?

3) Сводимы ли оба подхода к определению формальных признаков самостоятельного-несамостоятельного употребления элемента к одному знаменателю?

Факты свидетельствуют о том, что эти подходы дают различные результаты. Так, примеры Б.С. Исаенко [3, с. 277] *hongjiu* "красное вино" и *huangjiu* "рисовое вино" (букв. "желтое вино") с точки зрения общезыковых признаков соответствующих прилагательных однотипны (одинаково возможно *hong-de* "красный" и *huang-de* "желтый"). Однако с точки зрения употребления последних в данных сочетаниях они различны (возможно *hong-de jiu* "красное вино", но не **huang-de jiu*). *Yang-de rou* "мясо барана" как расчлененная форма от *yangrou* – в принципе возможна, однако ее употребление в конкретном предложении возможно далеко не всегда (см. выше).

В последующем развитии китаеведения выдвинутые в 50-е годы критерии выделения слова сохраняют свое значение.

В принципе в качестве критерия словесности-несловесности моносиллаба принято базовое теоретическое понятие самостоятельного-несамостоятельного употребления; для обозначения последнего закрепилось использование терминов "синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность" (Н.Н. Коротков, В.М. Солнцев, В.И. Горелов, А.Л. Семенов и др.), "free-bound", "ziyou-nianzhe" "свободный-связанный" (Чжао Юаньжэнь, Люй Шусян).

Как рабочий используется и выдвинутый в пятидесятые годы критерий потенциальной расчлененности-нерасчлененности полисиллабического комплекса.

Получили ли разрешение проблемные коллизии, обнаружившие себя в результате наложения на КЯ постулируемых процедур? Ответим на этот вопрос в той последовательности, в какой эти проблемы были сформулированы выше.

Первая группа вопросов (см. с.65).

Относительно трактовки содержания понятия "синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность" – в плане разрешения контраверсы субстанциональная (потенциальная способность элемента к того или иного рода функционированию) или функциональная (свойство, обретаемое и реализуемое в данном употреблении) величина.

В этом вопросе сохраняются противоречивость и непоследовательность, обнаружившие себя ранее в системе Лу Чживэя, однако уже в более явном виде и на более высоком уровне.

С одной стороны, указанная контраверза решается в пользу трактовки категории синтаксической самостоятельности-несамостоятельности как субстанциональной величины. Об этом свидетельствуют представленные в ряде работ попытки дать классификацию односложной лексики КЯ с точки зрения потенциальной способности-неспособности моносиллаба к самостоятельному употреблению.

Однако, с другой стороны, принимается как самоочевидный и тот факт, что один и тот же знаменательный элемент может употребляться и как синтаксически самостоятельный и как синтаксически несамостоятельный, что имплицитно несет в себе представление о категории синтаксической самостоятельности-несамостоятельности как функциональной величине.

Особого внимания заслуживают взгляды по обсуждаемому вопросу американского ученого китайского происхождения Чжао Юаньжэня – автора наиболее полной в

китаеведении грамматики современного китайского языка (A Grammar of spoken Chinese [4]), в которой использование критерия синтаксической самостоятельности-несамостоятельности (free-bound "свободный-связанный" в терминах автора) при описании языковых единиц КЯ носит массовый характер. Здесь мы находим следующее принципиальное утверждение, свидетельствующее о понимании категории синтаксической самостоятельности-несамостоятельности как функциональной величины: "При определении свободы или связанности (F or B) компонентов сложной единицы (compound) нужно иметь в виду, что мы придерживаемся принципа анализа по непосредственно составляющим; это значит, что компоненты определяются как свободные или связанные в соответствии с тем значением и функцией, которые они имеют в составе данной сложной единицы, а не в соответствии с тем, что они могут значить или делать или даже обычно значат или делают где-либо еще" [4, с. 381].

Однако практически характеристики free-bound трактуются в работе как данные элементу потенциально, в качестве его постоянной характеристики, а не как свойства, обретаемые им в качестве компонентов данной сложной единицы. При этом вопрос зачастую решается чисто интуитивно, что неизбежно ведет к субъективизму в конкретных оценках и решениях.

Проведем некоторые примеры из книги Чжао Юаньжэня [4, с. 361]: 1) *huoche* (огонь-телега) "поезд", 2) *gongyou* (работа-друг) "рабочий; товарищи рабочие", 3) *fangke* (жилище, дом-гость) "жилец, арендатор", 4) *guojifa* (международный-закон) "международное право".

Первый пример характеризуется как FF, с чем можно согласиться. Второй – как FB, что непонятно, поскольку элементы, составляющие сложную единицу, равноценны – в том смысле, что каждый из них самостоятельно не употребляется, имея двусложный аналог (*gongzuo* "работа, работать" и *pengyou* "друг"), воспринимаемый на слух в изолированном употреблении. Третий пример характеризуется как BF, что непонятно по той же причине (соответствующие употребляемые изолированно единицы: *fangzi* "дом", *keren* "гость"). Четвертый пример характеризуется как BB, что также не вполне ясно, поскольку *guoji* "международный" вполне понятен в отдельном произнесении, хотя без соответствующего определяемого по видимому и не употребляется.

Между тем, если трактовать понятия "free-bound" в функциональном плане, то указанным ряд примеров оказывается грамматически однотипным.

Показательны суждения, касающиеся трактовки понятия синтаксической самостоятельности, Н.В. Солнцевой. С одной стороны, утверждается следующее: "Сложное слово, возникнув, с неизбежностью порождает морфемный уровень, так как его части, чем бы они ни были по извлечении из состава сложного слова – самостоятельными или несамостоятельными в синтаксическом отношении единицами, – в рамках сложного слова именно как части не могут не быть (курсив наш. – Е.Ш.) синтаксически несамостоятельными единицами" [5, с. 160]. Однако, с другой стороны, читаем: "В качестве безусловного признака сложных слов был принят признак синтаксической несамостоятельности одного или двух компонентов сложной единицы" [5, с. 159], где Н.В. Солнцева поддерживает ранее принятый в китаеведении подход. Таким образом, и здесь проявляет себя та же непоследовательность в трактовке понятия "синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность". Когда Н.В. Солнцева говорит о том, что компоненты сложного слова не могут не быть синтаксически несамостоятельными, независимо от того, чем они являются вне слова, то синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность трактуется как функциональная величина. Когда же говорится, что синтаксически несамостоятельным может быть лишь один из компонентов, то под синтаксической самостоятельностью-несамостоятельностью уже имеется в виду свойство, данное элементу потенциально, как его постоянная характеристика.

В целом, есть основания утверждать, что на сегодняшний день представления о синтаксической самостоятельности-несамостоятельности носят в китаистике инту-

итивно-содержательный характер, не имея эксплицитного и достаточно строгого определения.

Относительно влияния фактора синтаксической самостоятельности-несамостоятельности на словесность-несловесность соответствующего сложного комплекса.

Существование прямой связи между этими величинами для многих ученых является первоосновой выделяемости слова. Широкое признание получил введенный в китайистику тезис Лу Чживэя и Б.С. Исасенко (в свою очередь восходящий к широко известным в отечественной лингвистике идеям А.И. Смирницкого), согласно которому единица, одна или обе части которой не способны к самостоятельному употреблению, является словом. Хотя, как мы видели выше, в системе Лу Чживэя формулирование этого тезиса противоречило его представлению о принципиальной независимости словесности-несловесности целого от синтаксической самостоятельности-несамостоятельности компонентов.

Из признания указанного тезиса логически вытекает необходимость признания полисиллабического образования словосочетанием, если оба его компонента способны к самостоятельному употреблению.

Однако большинство ученых допускает возможность словесного характера целого, несмотря на потенциальную словесность компонентов (так называемые compounds в западноевропейской традиции), подчеркивая особую важность для этих случаев критерия потенциальной расчленяемости полисиллаба (Чжао Юаньжэнь [4, с. 361] и др.).

Тем самым приобретает важное значение вопрос о том, в какой мере возможность расчленения сложного комплекса зависит от фактора потенциальной самостоятельности-несамостоятельности компонентов.

Наблюдения ученых свидетельствуют о том, что возможность разъединения компонентов полисиллабического целого имеется и в тех случаях, когда его компоненты выражаются элементами, не обладающими широкими возможностями самостоятельного употребления [6, с. 202]. Н.Н. Коротков считал, что "относительно автономный моносиллаб в современном речевом употреблении, за редкими исключениями, даже употребляясь преимущественно в составе лексических единиц, всегда сохраняет потенциальную способность выступать как слово" [7, с. 38].

С другой стороны, в случаях, где компоненты сложного комплекса потенциально способны употребляться самостоятельно, возможность расчленения целого может отсутствовать.

Достаточно определенно и категорично по вопросу о характере влияния (точнее об его отсутствии) свободы-связанности компонентов на характер сложной единицы высказывается Люй Шусян: "Словообразование в китайском языке в основном происходит одним способом – сложением корней. Однако в сложных словах словообразовательные элементы могут быть оба свободными, оба связанными, а также могут быть один – свободным, другой связанным. Это означает, что свободный или связанный характер морфем *не влияет* на их выбор... (курсив наш. – Е.Ш.)" [8, с. 137].

Важно подчеркнуть, что вопрос о влиянии фактора синтаксической самостоятельности-несамостоятельности на отнесенность сложного комплекса к слову или неслову, сохраняет свое значение лишь в том случае, если самостоятельность-несамостоятельность трактуется как субстанциональная величина. Дифференциальная значимость этого фактора отпадает, если синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность трактуется как функциональная категория, в связи с чем, как справедливо утверждает Н.В. Солнцева, компоненты слова "не могут не быть синтаксически несамостоятельными", независимо от того, самостоятельны или несамостоятельны они потенциально. В таком случае в чем состоят те реалии, которые обеспечивают выделяемость слова в КЯ?

Проблема зависимости словесности целого от синтаксической самостоятельности-несамостоятельности компонентов ставится на современном этапе и как проблема

специальных правил сочетаемости морфем в структуре слова и слов в структуре словосочетания. В стремлении обнаружить эти правила ряд ученых акцентируют внимание на так называемой асинтаксичности, характеризующей в ряде случаев отношения между компонентами сложного комплекса [9, с. 75–80], приходя, однако, к разным выводам относительно языкового статуса этих различий. В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева склонны усматривать в этом морфологию, морфологический характер отношений [10, с. 175–176; 9, с. 33 и др.]. Китайский ученый Лю Шусинь, выступивший в 1990 г. на страницах журнала "Чжунго юйвэнь" с обобщающей статьей относительно структуры сложного слова, в специфике отношений между морфемами, в отличие от отношений между словами, видит чисто лексикологический факт [11]. Близкие идеи развиваются в диссертации М.В. Румянцевой [12].

Так или иначе, постулируемые особенности в характере отношений между компонентами сложного слова, в отличие от отношений между компонентами словосочетания, даже если признать достоверность предлагаемого анализа (далеко не всегда достаточно убедительного), не настолько значительны, чтобы доказать неадекватность пятичленной парадигмы, в соответствии с которой традиционно анализируется в китаеведении и структура словосочетания и структура сложного слова.

Таким образом, вопрос о наличии в КЯ особых правил сочетания слов и морфем остается открытым; тем самым остается открытым и вопрос о существовании в языке и самой этой дифференциации.

В этой связи мы бы отметили известную рискованность высказанной недавно Н.В. Солнцевой [5, с. 169] и В.М. Солнцевым [13, с. 99] точки зрения, согласно которой сложные единицы, оба компонента которых обладают способностью самостоятельного синтаксического употребления, трактуются как случаи неразличения слова и словосочетания, слова и морфемы. Если учесть, что дифференциальная значимость фактора синтаксической несамостоятельности компонентов как первоосновы выделяемости слова не получает фактического подтверждения (см. выше), то такого рода трактовка логически ведет к признанию неразличимости слова и словосочетания (слова и морфемы) вообще, в структуре любых сложных единиц.

Отметим также, что Н.Н. Коротков, автор идеи неразличимости в КЯ в определенных условиях слова и словосочетания, относил к этим условиям двусложный характер сложной единицы [14, с. 8].

Вторая группа вопросов (см. с.66).

Относительно общеязыковых признаков синтаксической самостоятельности-несамостоятельности.

Требование быть понятым на слух в изолированном употреблении, восходящее к блумфилдианскому пониманию слова как минимальной свободной формы, большинство ученых считают слишком жестким. Выдвигаются критерии, связанные с организацией внутренней структуры предложения.

Так, в ряде работ в качестве признака синтаксической самостоятельности рассматривается способность элемента выступать в функции того или иного члена предложения (см. например [9, с. 3]). Этот подход мало эффективен, поскольку члены предложения традиционно выделяются на базе типов синтаксических связей; последние же в китаеведении традиционно интерпретируются аналогичным образом и в структуре слова и в структуре словосочетания.

Более эффективным представляется путь определения синтаксической самостоятельности единицы через определение потенциальной способности этой единицы занимать определенную позицию в определенного рода структурах, как это полагает Чжао Юаньжэнь. В качестве иллюстрации указывается, например, способность существительного занимать строго определенную позицию в структурах со служебным словом *shì* [4, с. 160].

Можно ли, следуя логике этого подхода, выделить одни структуры, которые являются принципиально словесными, и другие – которые принципиально не словесны?

Ответ на этот вопрос не лежит на поверхности, но перспективность такого рода поиска представляется несомненной.

Относительно возможности-невозможности разъединения компонентов сложного комплекса как критерия его словесности-несловесности. О характере соотношения исходной (слитной) и результирующей (расчлененной) конструкций.

Случаи, в которых разъединение компонентов сложного комплекса невозможно, как правило, не вызывают сомнений относительно их словесного характера. (Хотя при ближайшем рассмотрении и здесь оказывается не все так просто).

Вопрос заключается в характеристике образований, допускающих разъединение своих компонентов. В этом отношении проявили себя два основных подхода.

Согласно первому из них возможность разъединения компонентов целого безусловно свидетельствует о его принадлежности к словосочетанию [15].

Согласно второму подходу возможность разъединения компонентов сложного комплекса не является безусловным свидетельством его несловесного характера. При этом выводы из этой посылки делаются различные:

а) исходная (потенциально расчленимая) конструкция трактуется как слово, а результирующая (реально расчлененная) – как словосочетание [16, с. 90; 17, с. 23; 18; 19];

б) исходная и результирующая конструкции трактуются как слово (так называемый "слитно-раздельный способ существования слова" Н.В. Солнцевой [5, с.181–184] и близкие идеи других авторов [20, с. 36; 6, с. 102] .

Как можно видеть, указанные подходы продолжают и развивают линию исследования, намеченную ранее в работах Лу Чживэя, Б.С. Исаенко.

Доказательность и обоснованность первого из указанных подходов зависит от того, насколько доказательным и обоснованным является допущение о тождестве значений слитной и соответствующей расчлененной конструкции, что, как мы видели, не самоочевидно и в принципе и фактически.

При втором подходе слитная конструкция в любом случае рассматривается как слово, по-разному (либо как словосочетание, либо как слово) трактуется соответствующая расчлененная конструкция. Н.В. Солнцева, с одной стороны, допускает наличие в КЯ феномена слитно-раздельного существования слова, однако, с другой стороны считает, что "... в дистантной позиции компоненты обнаруживают исходные значения, а общее значение сложного слова, которое они дают в контактной позиции, исчезает" [5, с. 183]. Если это так (с чем мы безусловно согласны), значит феномен слитно-раздельного существования слова не свойствен китайскому языку?, или не всеобъемлющ в нем? Так или иначе вопрос требует дальнейшего изучения.

Таким образом, исследования последних десятилетий расширили наши представления о проблематике слова в КЯ, ввели в обиход новые факты, оценки, суждения. Высветен ряд новых, актуальных для современного научного знания вопросов, таких как соотношение субстанционального и функционального (потенциального и актуального) в трактовке содержания понятия синтаксической самостоятельности-несамостоятельности, правила сочетаемости морфем и правила сочетаемости слов, характер отношений между компонентами полисиллабического целого (синтаксический, морфологический, лексикологический?) и др. Однако категория синтаксической самостоятельности-несамостоятельности как основа выделяемости слова в КЯ не получила адекватного истолкования и однозначного определения.

Исходя из допущения, что во всех языках имеются синтаксически самостоятельные и несамостоятельные единицы, В.М. Солнцев ставит вопрос: "Что мешает самостоятельные единицы называть словами и синтаксически несамостоятельные единицы относить к числу морфем?" [13, с. 99].

В принципе ничто не мешает.

Нельзя, однако, не учитывать того обстоятельства, что представление о слове как синтаксически самостоятельной единице и морфеме – как синтаксически несамостоятельной сложилось в языкознании на базе языков определенного типа, в

которых синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность закреплена формально, в самой субстанции соответствующих единиц. Однако КЯ не знает этих формальных различий, что направило поиск критериев синтаксической самостоятельности-несамостоятельности в русло определения потенциальной способности элемента к того или иного рода функционированию. При невыявленности механизмов перехода от потенциальной способности к реальному употреблению это создает ситуацию, при которой само понятие синтаксической самостоятельности-несамостоятельности оказывается неопределимым, не только разнозначимым для различных ученых, но и не вполне проясненным для одного и того же ученого. Самое же существенное состоит в том, что в условиях формальной специфики КЯ, где минимальная значимая единица (значимый однослог) не несет в самой себе эксплицитной грамматической информации и не обретает ее в структуре слитной полисиллабической единицы, субъективизм в трактовке понятия синтаксическая самостоятельность-несамостоятельность оказывается объективно неизбежным.

Как представляется, проблема определения сущности слова и словесности в КЯ ждет иных подходов – на путях целостного описания и системного анализа реально данных КЯ единиц и определения того места, которое в системе этих единиц принадлежит слову.

Необходимой предпосылкой решения этой задачи является уточнение принципиальных оснований грамматического анализа и в первую очередь осмысление общего понятия грамматики как альтернативы частному понятию грамматики, сложившемуся на базе языков определенного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рождественский Ю.В. Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка. М., 1958.
2. Lu Zhiwei deng. Hanyu gousifa (Словособразование китайского языка). Kexue chubanshe, 1957.
3. Исаенко Б.С. Опыт китайско-русского фонетического словаря. М., 1957.
4. Yuen Ren-Chao. Grammar of Spoken Chinese. Los Angeles, 1968.
5. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
6. Семенов А.Л. Лексикология современного китайского языка. М., 1992.
7. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968. С. 38.
8. Люй Шусян. О свободных и связанных // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М., 1989. С. 137.
9. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии: Курс лекций. М., 1979.
10. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1978. С. 175–176.
11. Liu Shuxin. Fuhci jiegou-de cihui shixing (О лексикологическом характере структуры сложного слова). Zhongguo yuwen, 1990. № 4.
12. Румянцева М.В. Синтаксические свойства двуслогов различной структуры в современном китайском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
13. Солнцев В.М. Еще раз об основных значимых единицах современного китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания (VI Всероссийская конференция). М., 1992.
14. Коротков Н.Н. К проблеме морфологической характеристики китайского литературного языка // Тр. XXV Международного конгресса востоковедов. 1963. С. 8.
15. Маматюк Ю.Д. Глагольно-именные комплексы в китайском языке (к проблеме уровневого разграничения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
16. Яхонтов С.Е. Категории глагола в китайском языке. Л., 1957. С. 90.
17. Lü Shuxiang. Hanyu yufa fenxi wenti (Проблемы грамматического анализа китайского языка). Beijing, 1979. С. 23.
18. Фролова О.П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. Новосибирск. 1981.
19. Жданкин И.В. К вопросу о слове без морфологических признаков словесности // ВЯ. 1986. № 1.
20. Lu Zongda, Yu Min. Xiandai hanyu yufa (Грамматика современного китайского языка). Beijing, 1954. С. 36.